

КОСТЯНЫЕ ФИГУРКИ ПТИЦ ВОЛОСОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ: КОНТЕКСТ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ САХТЫШСКИХ СТОЯНОК В ВЕРХНЕМ ПОВОЛЖЬЕ)

© 2022

Костылёва Е.Л., Уткин А.В., Мельников В.Н.

Ивановский государственный университет (г. Иваново, Российская Федерация)

Аннотация. В статье представлен анализ локализации костяных подвесок в виде объёмных головок птиц с поселений Сахтыш I, II и IIa, расположенных вблизи озера Сахтыш, ныне полностью уничтоженного разработками торфа (центральная часть Европейской России, Ивановская область). Всего выявлено 14 экземпляров: по шесть штук на Сахтыше I и II, две – на Сахтыше IIa. Они относятся к волосовской культуре и представлены изображениями утки, гуся, лебедя, ворона, глухаря, орлана, крохали, пеликана. Все скульптуры очень индивидуальны, среди них нет канонических, повторяющихся по внешнему виду. Контекст их нахождения различен: в захоронении (Сахтыш I), в «кладах» и на ритуальной площадке могильника (Сахтыш II), в «святилище» на территории могильника (Сахтыш IIa), недалеко от «святилища» (Сахтыш II), недалеко от захоронений (Сахтыш I и Сахтыш IIa), в жилищах и рядом с ними (Сахтыш I). Большинство из них, так или иначе, связано с погребениями и погребальными ритуалами. Наиболее ярко связь фигурок с погребальными практиками прослежена на территории волосовского могильника Сахтыш II.

Ключевые слова: энеолит; волосовская культура; фигурки птиц из кости/рога; погребальные ритуалы; центр Европейской России.

BONE SCULPTURES OF BIRDS OF THE VOLOSOVO CULTURE: THE CONTEXT OF THEIR LOCATION (BASED ON THE MATERIALS FROM THE SAKHTYSH SITES IN THE UPPER VOLGA REGION)

© 2022

Kostyleva E.L., Utkin A.V., Melnikov V.N.

Ivanovo State University (Ivanovo, Russian Federation)

Abstract. The paper presents an analysis of the localization of bone pendants in the shape of volumetric heads of birds from the settlements of Sakhtysh I, Sakhtysh II and Sakhtysh IIa, located near Lake Sakhtysh (Ivanovo Region, central part of European Russia), now completely destroyed by peat mining. In total, 14 specimens have been identified: six ones – at Sakhtysh I, six more – at Sakhtysh II, and two ones – at Sakhtysh IIa. They belong to the Volosovo culture and represent figures of duck, goose, swan, crow, wood grouse, eagle, merganser, pelican. All figurines are highly individual, without any canonical ones, repeating in their shape. The context of their location is different: some of them were found in the burial (Sakhtysh I), others in the «hoards» and on the ritual site of the burial ground (Sakhtysh II), while others in the «sanctuary» on the territory of the burial ground (Sakhtysh IIa), not far from the «sanctuary» (Sakhtysh II), not far from burials (Sakhtysh I and Sakhtysh IIa), in and near dwellings (Sakhtysh I). Most figurines in one way or another are associated with burials and funeral rituals. The connection between the figurines and funerary practices is most clearly traced on the territory of the Volosovo burial ground Sakhtysh II.

Keywords: Eneolithic; Volosovo culture; figurines of birds cut of bone/horn; funeral rituals; central part of European Russia.

Введение

Образ птицы, представленный в произведениях искусства неолита – энеолита лесной зоны Евразии, привлекал внимание многих исследователей. Это было неслучайно, т.к. именно изображения птиц, воплощенные в разных материалах (кость, рог, дерево, камень, глина) и разными способами (резьба, ретушь, пикетаж, штамповка), часто доминировали среди прочих образов древнего искусства на памятниках от Восточной Прибалтики и Фенноскандии до Зауралья [1, с. 36; 2, с. 174; 3, с. 107; 4–7].

В центре Русской равнины – в Волго-Окском междуречье и на сопредельных территориях – расцвет искусства связан с энеолитической волосовской культурой (~сер. IV – нач. III тыс. cal BC) [8; 9; 4; 10, с. 65–69]. Волосовское искусство – это, прежде всего, малая антропо- и зооморфная скульптура из кости, рога и кремня. Отдельные кремневые фигурки известны и вне ареала обитания волосовских племен, но именно в волосовской среде они получили наибольшее распространение. Они достаточно хорошо представлены в литературе, начиная с публикаций С.Н. Замятнина и

В.И. Зубкова в середине прошлого столетия и завершая работами Е.А. Кашиной в XXI веке [3; 11–21].

Скульптура из кости и рога в волосовское время переживает заметный взлёт. Однако её образцы известны далеко не везде, т.к. на многих памятниках вещи из органических материалов сохраняются гораздо хуже, чем из камня, или не сохраняются вовсе. Зооморфная скульптура из кости и рога при всем своем разнообразии может быть разделена на две большие группы: плоская и объёмная. Плоская скульптура представлена преимущественно фигурками птиц и млекопитающих. В основном это полнофигурные изображения. Птицы представлены в профиль, млекопитающие – как в профиль, так и в проекции сверху. Часто они имеют просверленные отверстия для крепления. Подобная скульптура известна также из раскопок памятников Восточной Прибалтики, примерно одновременных волосовской культуре [2, с. 176–178].

Для волосовской культуры, в отличие от синхронных восточно-прибалтийских культур, характерны не только полнофигурные плоские изображения, но и объёмные. Это преимущественно головки

птиц, представлявшие собой амулеты-подвески, которые крепились через отверстия, надрезы и утолщения на дистальном конце шеи. Можно выделить два центра сосредоточения подобных скульптур: в Озёрной Мещёре (Рязанская обл.) – Черная Гора, Шагара I и II, Великодворье I, Владычино и др. и близ Сахтышского торфяника (Ивановская обл.) – Сахтыш I, II и Па [22; 9; 5; 10; 23]. Упомянутые фигурки представляют наибольший интерес, т.к. чаще всего они имеют детальную проработку (форма головы, клюв, глаза, рот, ноздри), благодаря чему перед нами предстают вполне узнаваемые виды птиц.

Относительно семантики этих образов в большинстве случаев высказывалось мнение об их культовом характере, связи с ритуалами, магией, мифологией и тотемическими представлениями [24, с. 149; 9, с. 97, 101; 4, с. 75]. Последний аспект наиболее полно и аргументированно представлен в работах Е.А. Кашиной с соавторами [5; 6; 23].

Большое значение для определения смыслового значения таких фигурок имеет контекст их обнаружения (жилище, захоронение, ритуальная площадка, «клад», «святилище»). Однако во многих публикациях данный важный элемент присутствует далеко не везде. Это касается и материалов сахтышских стоянок, при публикации которых давались основные характеристики фигурок обычно вне контекста их обнаружения [9; 25; 10]. Лишь для двух из них было указано точное местонахождение (одна – из погребения № 10 Сахтыша I и другая – из «клада» № 10 Сахтыша II) [26, с. 13, 69, рис. 4, с. 96, рис. 32: 6].

В связи с этим мы посчитали необходимым еще раз обратиться к сахтышским фигуркам, чтобы попытаться восполнить указанный пробел, поставив своей целью выявить (или уточнить) их локализацию.

К сожалению, характер источников не всегда даёт возможность это сделать. Во многом подобное связано с крайней лаконичностью научных отчётов 1960–1970-х годов. Часто интересующие нас предметы упоминались при общей «по-глубинной» характеристике культурных остатков без привязки к конкретным квадратам или объектам, не говоря уже о более точных координатах. Иногда вещи по разным причинам не попадали в коллекционные описи, по которым можно было бы выяснить их местонахождение в раскопе, или бесследно исчезали в завалах музейных фондов, на выставках, при каких-то иных обстоятельствах.

Описание подвесок и анализ их локализации на памятниках

Фигурки из кости были обнаружены в ходе раскопок стоянок Сахтыш I, II и Па Верхневолжской экспедицией Института археологии АН СССР (РАН) под руководством Д.А. Крайнова в 1960–1990-е годы. Скорее всего, подобные фигурки были и на стоянке Сахтыш VIII, однако кость там практически не сохраняется. На всех этих памятниках были обнаружены захоронения и жилища, относящиеся в основном к волосовской культуре. На Сахтыше I было вскрыто более 1100 м² культурного слоя, на Сахтыше II – около 1,5 тыс. м², на Сахтыше Па – более 800 м² [26, с. 9–67; 27, с. 61].

Полнофигурные плоские фигурки птичек среди сахтышских стоянок были найдены лишь на Сахтыше I [9, с. 98, рис. 129: 1–3, с. 99, рис. 131, с. 99, рис. 133: 4]. Заметим, что в публикации 1992 г. фигурки, происходящие со стоянки Стрелка I, расположенной на востоке Ивановской обл., были ошибочно

отнесены к находкам с Сахтыша I [9, с. 99, рис. 133: 1–3]. На наш взгляд, лишь два экземпляра из опубликованных в разных изданиях полнофигурных птиц с Сахтыша I можно с уверенностью связать с изображением именно птиц, использовавшихся как нашивки/накладки или подвески. Они имеют по одному просверленному отверстию для крепления [9, с. 98, рис. 129: 1, 3; 22, рис. 6: 23, 26; 28, с. 245, 247]. Обе были найдены в одном из раскопов 1973 г., однако точно локализовать их пока не удалось. Особенно стоит фигурка, которую Д.А. Крайнов также считал птицей с наклоненной головой [9, с. 99, рис. 133: 4]. Действительно, оформление её головы очень напоминает таковое, представленное на рукояти от деревянного ковша с того же памятника [9, с. 78, рис. 101]. Фигурка весьма необычна, имеет зубчатое оформление спины и задней части, поэтому исследователь полагал, что это мог быть штамп для нанесения орнамента на керамику [3, с. 107, 108]. Она была найдена в восточной части памятника (раскоп 1) на заторфованном участке поймы р. Койка (рис. 2: Б–2). Ещё две орнитоморфные фигурки достаточно стилизованы, не имеют отверстий для крепления и могли быть перфораторами (развертками) или заготовками скульптурок [9, с. 98, рис. 129: 2, с. 99, рис. 131]. При этом мы не исключаем возможности стилизации под птичек определённых орудий труда.

Объёмных головок птиц, представлявших собой подвески-амулеты, было обнаружено 14 экз.: шесть – на Сахтыше I, шесть – на Сахтыше II и две – на Сахтыше Па.

Результаты анализа локализации фигурок показывают следующее.

Сахтыш I

Поселение Сахтыш I исследовалось несколькими раскопами, расположенными в разных частях памятника (рис. 1). Там были обнаружены остатки жилищ и 14 захоронений волосовской культуры. К сожалению, не существует общего плана раскопа со всеми нанесёнными на него объектами (жилища, погребения и проч.). Некоторые раскопы, исследовавшиеся в последние годы работ на памятнике (1974, 1975, 1981), нам не удалось привязать к имеющимся на представленном плане раскопам из-за отсутствия необходимой информации в отчётной документации по раскопкам. Самые большие раскопы находились в западной части поселения, где кроме обычных построек в суходольной части памятника, было исследовано в раскопе 3-а и уникальное промысловое жилище с четырьмя строительными горизонтами, верхний из которых был связан с ранней волосовской культурой [8, с. 42, 46]. Д.А. Крайнов отмечал, что большинство фигурок было найдено в жилищах и лишь одна – в погребении [3, с. 107].

Пожалуй, самой эффектной была головка уткишироконоски (*Anas clypeata*), выполненная в ракурсе сверху, на конце длинного стержня-шеи которой было сквозное отверстие и нарезки для крепления [3, с. 107; 28, с. 244, 245, рис. 319]. Глаза её обозначены небольшими просверливаниями, ноздри – ямками, клюв отделён от головы тонко прорезанной линией в виде зигзага, чётко очерчен рот. Птичка была обнаружена в раскопе 1, расположенном в восточной части памятника, где, судя по отчётной документации, проявилось «темное пятно угла жилища» [29, с. 21]. Единственный костяной предмет (видимо, это и есть уточка), отмечен на плане в пределах жилища, на са-

мой его окраине (рис. 2: Б-Г). К сожалению, это жилище так никогда и не было раскопано полностью.

Самым экзотичным представителем орнитофауны среди скульптурок был пеликан (*Pelecanus*). Он най-

ден в подерновом слое раскопа 3-а западной части поселения вблизи восточной стенки упомянутого выше промыслового жилища (рис. 2: Б-Г).

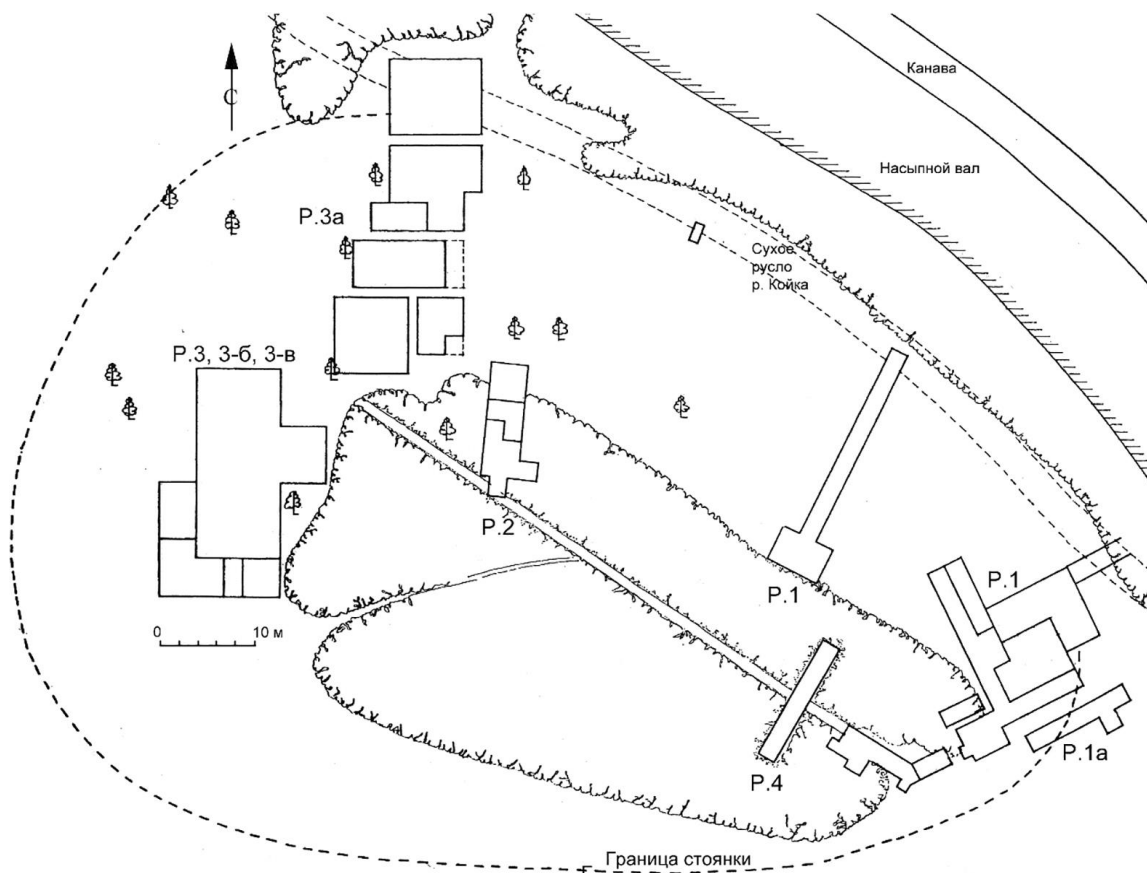

Рисунок 1 – Сахтыш I. План раскопов 1962–1973 гг.

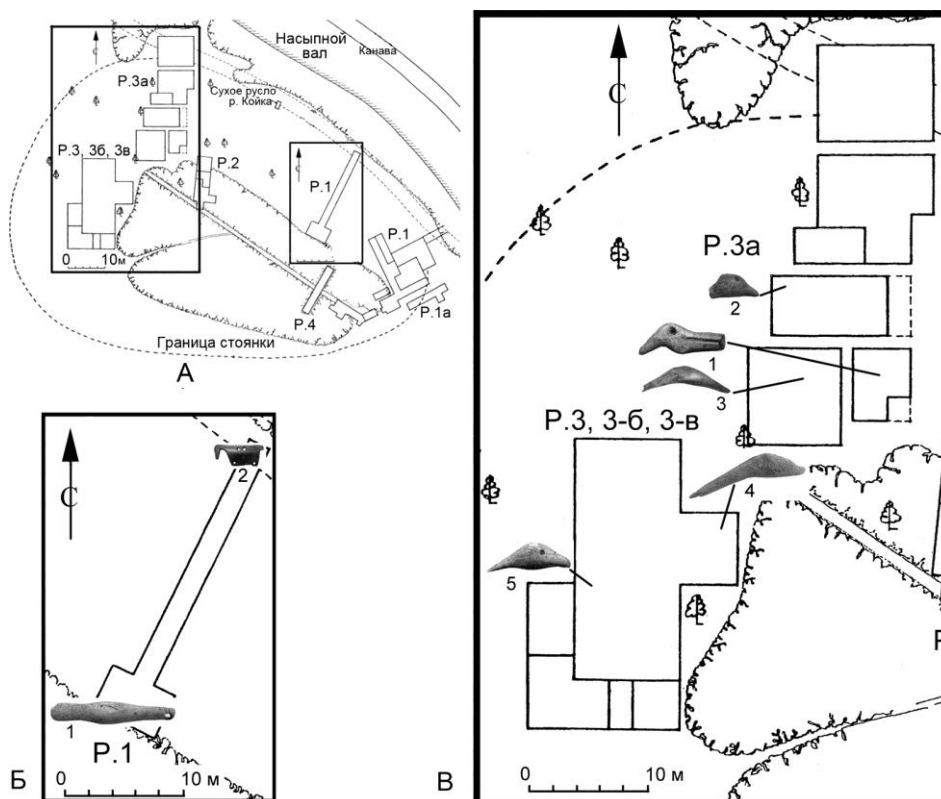

Рисунок 2 – Сахтыш I. Локализация фигурок на планах раскопов.

А – выделение на общем плане раскопов участков с фигурками; Б – раскоп 1 восточного участка памятника; В – раскопы 3, 3а, 3б, 3в западного участка памятника

Фигурка была выполнена из рога. На конце шеи имелся пропил для крепления, который хорошо виден на фотографии в отчёте, но к настоящему времени не сохранился, т.к. рог в этом месте раскрошился [30, альбом-2, рис. 13, 14]. Эту неожиданную находку Д.А. Крайнов в отчёте по раскопкам назвал «гусем» [30, с. 12]. Однако мы видим голову птицы с очень мощным и длинным клювом, такой у птиц, которые могут быть встречены в центральном Нечерноземье, встречается только у пеликана. На изделии под клювом имеется выпуклость, соответствующая мешку под клювом пеликана. Пеликан – представитель птиц более южных регионов (сейчас на территории Европейской части России это – низовья Волги, Дона, большие Камыш-Самарские озёра и др.). В древности эти птицы могли залетать и на изобиловавшее рыбой озеро Сахтыш, вызывая удивление местных охотников-рыболовов своей необычностью и стремление запечатлеть столь примечательную залётную птицу. Залёты пеликанов известны для Нечернозёмного центра России и сейчас. Например, в Нижегородской области наблюдали до десяти особей пеликанов в 2019 г. [31, с. 967]. Заметим, что изображение пеликана – единственное среди резных «птицеголовых» подвесок волосовской культуры.

Примерно в 4–5 м к западу от пеликана также в раскопе 3-а, в южной части верхнего горизонта промыслового жилища, видимо, уже после того, как оно было покинуто в результате «нового наступления воды, и достаточно длительного» [8, с. 46], обнаружена «заготовка головки гуся» [29, с. 46]. (рис. 2: B-3). Однако это, скорее всего, была не заготовка гуся/лебедя, а стилизованное, не детализированное изображение, которое было в использовании, т.к. на конце шеи фигурки имелось сломанное отверстие. Необходимо заметить, что на этом участке раскопа встречались разрушенные волосовские захоронения, пятна охры, угольки, обожженный кремь [29, с. 46–53]. Не исключено, что здесь была какая-то ритуальная площадка, связанная с могильником поздне-волосовского времени, аналогичная ритуальным площадкам Сахтыша II.

В 8–10 м к северо-северо-востоку от упомянутого выше изображения, видимо, на краю котлована жилища была обнаружена вырезанная из рога достаточно крупная (45 × 17 × 22 мм) головка птицы (рис. 2: B-2). Силуэт её хорошо соответствует образу белолобого гуся (*Anser albifrons*), самому массовому виду гусей, встречающихся обычно на пролёте в Нечернозёмном центре России. У головки утрачена (выкрошилась?) левая сторона, затылочная часть и шея. Сохранившийся глаз обозначен достаточно глубокой просверленной диаметром 5 мм. Линия рта и ноздри не отмечены. Заметим, что на этом участке раскопа (1971–1972 гг.) – в котловане жилища или рядом с ним найдено было несколько фигурных кремней, в том числе антропоморфные скульптурки [30, альбом, рис. 6; 32, альбом, рис. 39], плоские костяные фигурки рыбы (сом), выдры/бобра и куницы, изображённые в проекции сверху [30, альбом, рис. 16, 17; 33, альбом, рис. 37, 38]. Мы не можем сказать, были ли эти фигурки связаны с какими-то ритуальными действиями или это были обычные атрибуты повседневной жизни человека того времени. Хотя, как известно, различные ритуалы сопровождали человека древ-

ности на всём протяжении его жизни. На ритуальный характер антропоморфных фигурок из кремня с Сахтыша I может указывать факт обнаружения двух подобных изображений на Сахтыше II рядом со «святылищем» [9, с. 90; 34, с. 85] и на второй ритуальной площадке [35, с. 26], а также трёх фигурок около волосовских захоронений и второго «святылища» Сахтыша II [13, с. 56, рис. 2: 2, 3, 10].

«Птицеголовые» фигурки были найдены и в раскопах 3, 3-б и 3-в, которые располагались к юго-западу от раскопа 3-а, будучи отделёнными от него несколькими метрами нераскопанной площади. В этой части поселения находились жилища и могильник волосовского времени. В раскопе 3-в была обнаружена невыразительная, без проработки деталей, но вполне узнаваемая роговая головка гуся с подтёской на конце и кольцевой нарезкой для крепления (рис. 2: B-4). Она так же, как и головка белолобого гуся, была повреждена с одной стороны. Судя по координатам в коллекционной описи и планам раскопа, фигурка была найдена рядом с волосовским жилищем.

Лишь одна фигурка, как упоминалось, была найдена в захоронении волосовской культуры (рис. 2: B-5). Погребённый человек, возможно юноша, находился в положении вытянуто на спине головой на северо-запад [36, с. 35; 35, альбом, рис. 19, 20; 26, с. 14, табл. 1]. Скелет сохранился плохо. От черепа осталась только нижняя челюсть. Бедренные кости и голени были перебиты, что, вероятно, было связано с каким-то погребальным ритуалом. Руки были полусогнуты в локтях, и кисти их, очевидно, располагались в области таза. Фигурка находилась в районе кисти правой руки [36, с. 36; 26, с. 13, 69, рис. 4]. Скорее всего, она висела на поясе человека и, видимо, носилась достаточно длительное время, о чём может говорить отверстие, просверленное выше слома прежнего, почти у основания головки. Фигурка имеет чётко очерченный рот, круглые средней глубины глаза, выполненные сверлением, изогнутый верхний клюв, нависший над нижним. Подвеска в отчёте о раскопках и публикациях называлась «гусем» [36, с. 36; 26, с. 13]. Однако правильнее её будет атрибутировать как изображение головы глухарки (*Tetrao urogallus*) или тетёрки (*Lyrurus tetrix*).

Больше ни в одном из захоронений сахтышских могильников, синхронных упомянутому выше, подвесок в виде головок птиц обнаружено не было [26, с. 9–150].

Погребений волосовской культуры в Верхнем Поволжье и Волго-Окском междуречье известно достаточно много, при этом примерно половина из них происходит из сахтышских могильников [26, с. 11], однако «птичьи» фигурки-амулеты встречаются в них чрезвычайно редко. Сошлёмся лишь на две фигурки птиц из коллективного волосовского захоронения на Шагаре II [37; 38].

Таким образом, только одна из «птицеголовых» подвесок Сахтыша I была найдена в захоронении, остальные отмеченные выше фигурки были связаны с культурным слоем вблизи жилищ и жилищами волосовской культуры. Вместе с тем нельзя исключить ритуальный характер площадки, возникшей на месте покинутого жилища промыслового характера, хотя среди фигурок не было обожжённых огнём (все они естественного цвета поделочного материала).

Сахтыш II

На Сахтыше II в исследованных 19 захоронениях (включая три коллективных) волосовской культуры фигурок птиц не было, однако они были найдены в погребальных «кладах» №№ 8 и 10 (рис. 3: 1, 2). Такие

«клады» были своеобразным погребальным инвентарем, который помещали не в могилу, а вблизи её, в ямке. На ряде волосовских стоянок (Володары, Велетьма, Панфилово, Владычино) известны «клады» и в могилах, однако на Сахтыше такого не прослежено [39–41].

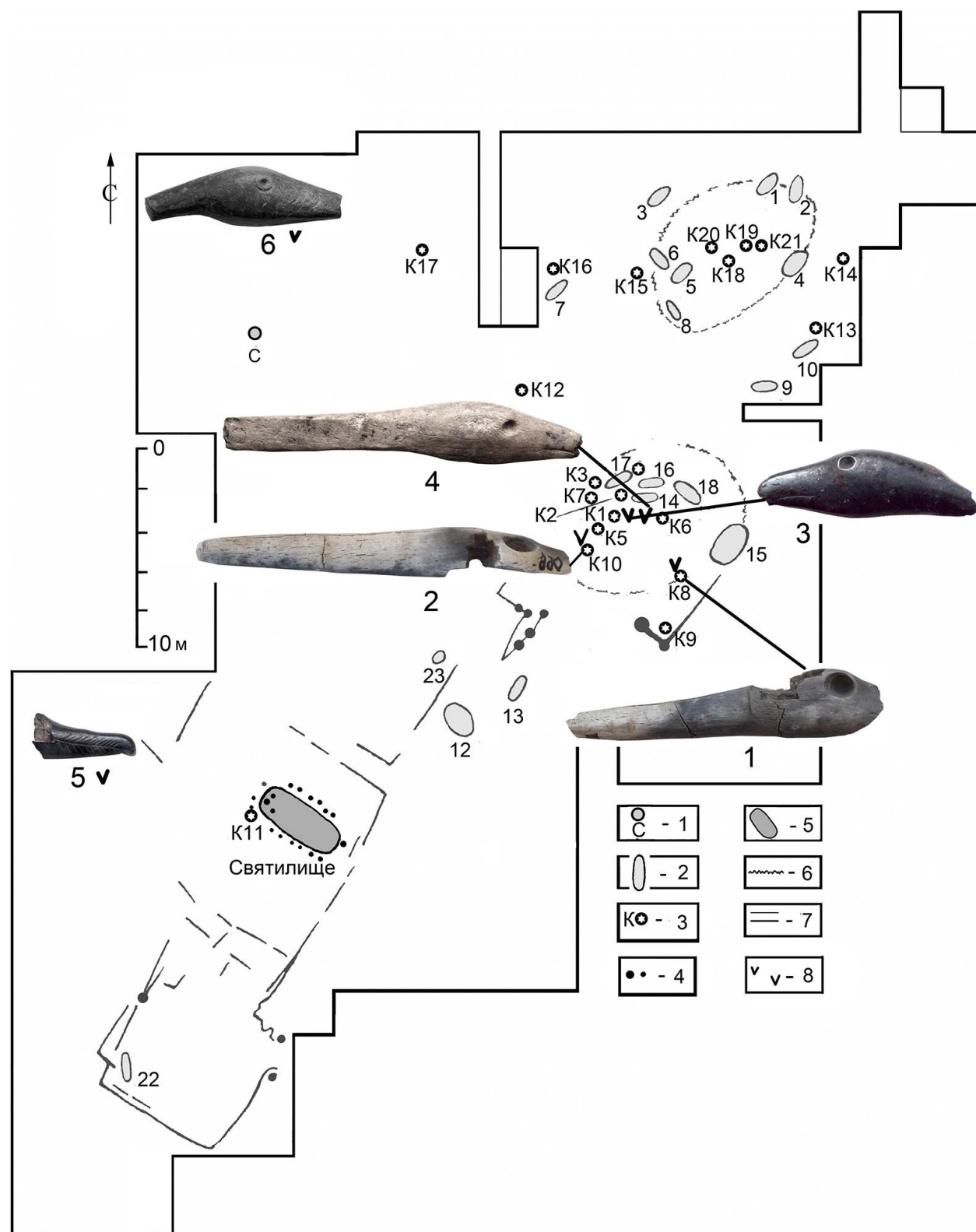

Рисунок 3 – Сахтыш II. План раскопов с указанием места находок «птицеголовых» фигурок.

- 1 – погребение собаки; 2 – погребения людей волосовской культуры;
3 – ритуальные «клады»; 4 – столбовые ямки; 5 – волосовское «святилище»;
6 – условные границы ритуальных площадок (I и II);
7 – следы от оснований волосовских жилищ в материке; 8 – локализация фигурок птичек

Внемогильные «клады», как правило, размещались на специальных ритуальных площадках, недалеко от захоронений. Погребальные ритуалы сопровождались возжиганием костров, под воздействие огня которых попадали и вещи из «кладов». Если костяные вещи подвергались сильному открытому воздействию огня, например, находясь в верхней части «клада» или рядом с ним, то они приобретали белый или белесо-серый цвет и становились хрупкими, распадалась на части. В нижней части «кладов», будучи прикрыты другими предметами и землёй, костяные вещи подвергались длительному тепловому воздействию и приобретали тёмный цвет, вплоть до черного. В обоих «кладах» Сахтыша II головки птичек были в значительной мере повреждены огнём, имели белесо-серый цвет, некоторые детали фигурок были утрачены [26, с. 96, рис. 32: 6; 41, с. 356, рис. 15: 6; 25, с. 34, рис. 42]. Глаза у обеих фигурок были в виде достаточно глубоких и крупных просверлин. У птички из клада № 8 ступенькой обозначен переход от головы к шее. Установить видовую принадлежность птиц не удаётся. Отметим лишь, что они имели длинные стержни-шеи и, возможно, изображали каких-то гусеобразных птиц в полёте.

Ещё две головки птичек были найдены на первой ритуальной площадке Сахтыша II. И.К. Цветкова в своё время выделила на стоянке Володары два типа «кладов»: «клады», в которых инвентарь сосредоточен в кучках, и «клады», в которых лишь часть инвентаря находится в кучках, а остальные вещи как бы рассыпаны среди угольных линз и вкраплений охры [39, с. 102]. То же мы отмечаем и на стоянке Сахтыш II: скопления обугленных артефактов среди остатков кострищ рядом с основными «кладами». Это позволило говорить об особых «ритуальных площадках» и на Сахтыше II [42]. Таких ритуальных площадок на Сахтыше II было две, обе они были связаны с зоной захоронений волосовской культуры [26, с. 24–27; 43]. Подвеска в виде головки птички, сделанная из клыка волка, была обнаружена несколько восточнее «клада» № 1 (рис. 3: 3). Она имела блестящую поверхность интенсивно черного цвета, обусловленного длительным тепловым воздействием вне открытого огня. На левой стороне головки имелся участок сероватого цвета, который меньше подвергался тепловому воздействию. Видимо, подвеска находилась в ямке, которую в углистом культурном слое проследить не удалось, или была чем-то прикрыта. Скорее всего, она представляет собой изображение ворона (*Corvus corax*): клюв довольно массивный, несколько загнут вниз, к сожалению, на самом конце обломан, снизу выпуклость под горлом соответствует «бородке» ворона. Глаза обозначены неглубокими просверлинами, рот – тонкой прорезанной линией. Характер крепления фигурки не известен, т.к. она обломана со стороны шеи. Заметим, что блестящая чёрная поверхность была характерна лишь для костяных вещей, подвергавшихся длительному тепловому воздействию. Прочие предметы из кости и рога в культурном слое памятников были светлые, различных оттенков естественного цвета поделочного материала. И лишь в прибрежных зонах и в пойме реки костяные предметы, залегающие в сильно оторфованной супеси и торфе, имели разные оттенки коричневого и чёрного цветов.

Вторая подвеска, слегка сжатая с боков, представляла собой головку, скорее всего, лебедя-кликун (*Cygnus cygnus*). Он изображён в полёте, длинная шея вытянута, вся птица как бы устремлена вперёд. Глаза обозначены небольшими, средней глубины просверлинами, рот – тонкой прорезанной линией. Кончики клюва и стержня-шеи обломаны, поэтому характер крепления не известен. Скульптурка была найдена несколько к востоку от первого изображения (ворон) на той же глубине (рис. 3: 4). Однако в отличие от первой она не подверглась «огненному ритуалу» и сохранила естественный светлый цвет кости. Чёрный ворон и белый лебедь в непосредственной близости друг от друга на одной ритуальной площадке, возможно, оказались не случайно, а в связи с каким-то мифическим сюжетом.

Сильному тепловому воздействию подверглась также и фигурка, от которой сохранился только клюв (рис. 3: 5). Клюв такой же чёрный и блестящий, как головка ворона с ритуальной площадки, лишь на конце подклювья – небольшое белесо-серое пятно. Клюв очень характерной для крохали формы – вытянутый, с крючком на конце. По срезу надклювья и подклювья выполнены насечки, воспроизводящие характерную зазубренность клюва крохали. В Нечернозёмном центре встречаются (и, видимо, в древности встречались) два их вида, одного чаще – большой крохаль (*Mergus merganser*), который изредка отмечается на гнездовании в Ивановской области в наше время, а в древности мог быть более обычным гнездящимся видом [32]. Можно полагать, что эта фигурка была связана с расположенным в 8–10 м к востоку от её местонахождения «священным», над подземной частью которого было прослежено мощное кострище [34, с. 82–83].

Вне связи с погребальным ритуалом волосовского могильника была головка утки с широким лопатообразным приплюснутым клювом (*Anas clypeata*). Кончик клюва обломан, но видны ноздри в виде тонких удлинённых углублений. Глаза обозначены циркульными окружностями. Заметим, что только ещё у одной утки – с Сахтыша I таким же способом выделены глаза, у всех остальных сахтышских птичек глаза выполнены точечным сверлением разной глубины и диаметра. От шеи сохранилась небольшая, округлая в сечении часть, что позволяет предположить, что на ней было не отверстие, а нарезки для крепления. Уточка была тёмного, почти чёрного цвета с коричневатыми пятнами и следами лёгкой ожелезнённости, т.к. она была найдена на береговом участке раскопа, который мог заливаться во время весенних паводков. Тёмный цвет был обусловлен нахождением этого предмета в оторфованной супеси, в которой такого же цвета были и многие костяные вещи. Фигурка была найдена в северо-западном углу раскопа в волосовском слое, примерно в 5–6 м к северу от разрушенного захоронения собаки (рис. 3: 6). В районе этого захоронения прослеживались углистые и охристые пятна, а над ним – отщепы и невыразительные орудия из «волосовского» жёлтого кремня (своеобразный «клад») [44, с. 17]. Таким образом, уточка также могла быть связана с какими-то ритуалами.

Сахтыш Па

На Сахтыше Па в 1980–90-е годы был раскопан самый большой волосовский могильник, исследовано 57 захоронений и два «святилища» [26, с. 41]. В первом из них была обнаружена маска – личина служителя культа предков, вырезанная из основания рога лося. Она не раз публиковалась в разных изданиях как в России, так и за рубежом [9, с. 111, рис. 150; 45, с. 29, рис. 3; 46, с. 128, 129, рис. 12–14; 47, р. 85–89; 10, с. 67; 28, с. 265, рис. 438; 26, с. 132, рис. 69; 25, с. 31, рис. 34].

Второе «святилище» не было столь примечательным. Оно располагалось на северо-восточной окраине волосовского могильника [26, с. 107, рис. 44, с. 133, рис. 70]. Единственное, что могло его связывать с погребальным ритуалом: обломки сводов двух черепов (взрослого человека и ребёнка) и подвеска в виде орнитоморфной головки [28, с. 241, 245] (рис. 4: 1), найденные среди обычного заполнения ям постепенно сползавшим в них культурным слоем.

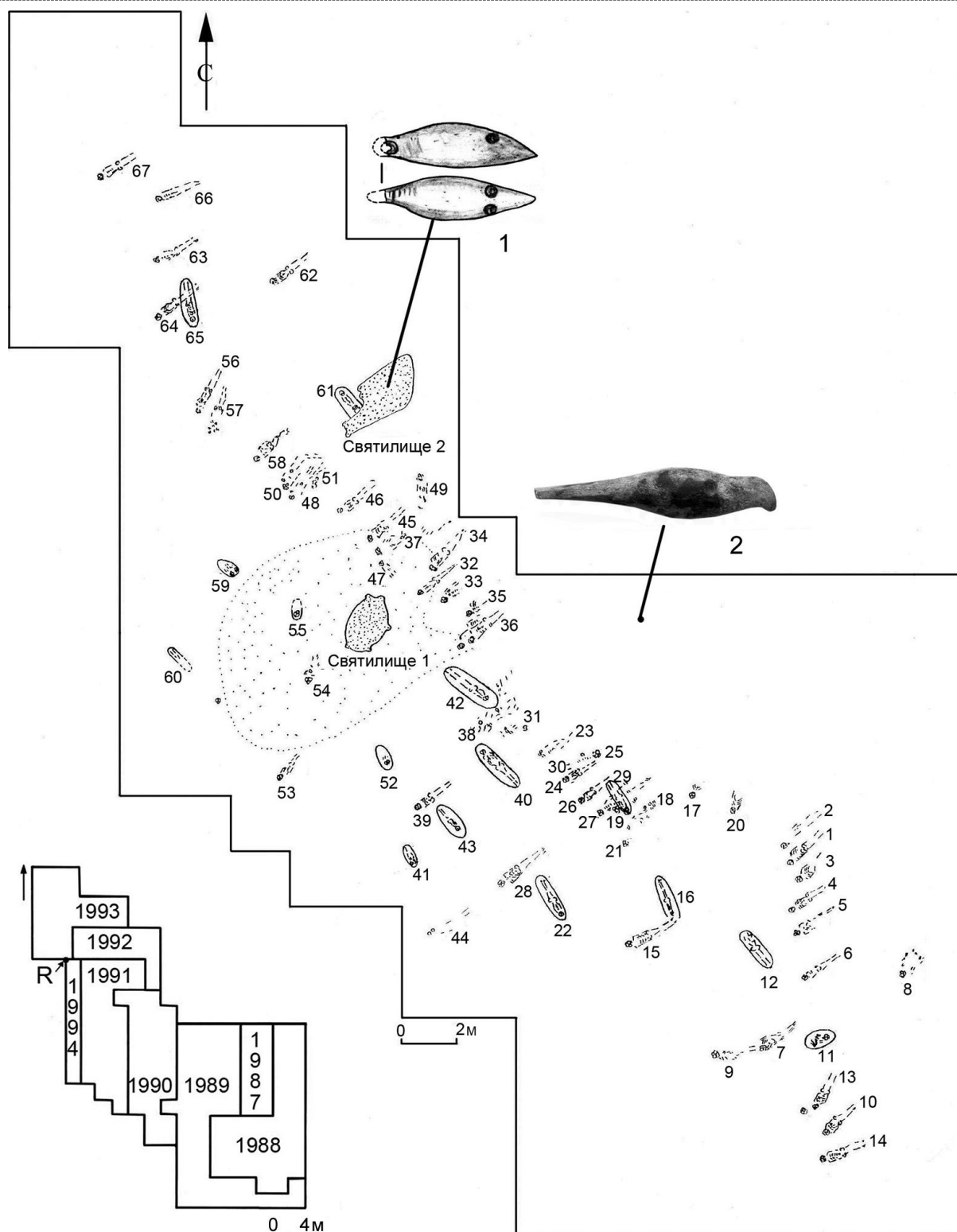

Рисунок 4 – Сахтыш IIa. План раскопа с указанием места находок «птицеголовых» фигурок

Подвеска была светлого цвета, т.е. не подвергалась воздействию огня, хотя на дне ямы были обнаружены остатки углей. Крепление её осуществлялось через сквозное отверстие у головы, после слома которого поверх его остатков были сделаны неглубокие насечки [28, с. 241, 245]. Шея отсутствовала, клюв не выделялся, рот также не обозначен. Видовую принадлежность «птички» определить не удаётся. Скорее всего, это был символ или собирательный образ птицы, может быть, какой-то мифической.

Вторая подвеска с Сахтыша IIa была найдена в волосовском культурном слое раскопа примерно в 5 м к северо-востоку от захоронений № 24 и 25 (рис. 4: 2). Она воспроизводит голову хищной птицы. Очень крупный, высокий клюв позволяет предположить, что, может быть, изображена самая большая птица Нечернозёмного центра России – орлан-белохвост (*Haliaeetus albicilla*), хотя нельзя исключить и её трактовку как глухаря. Глаза фигурки выполнены небольшими просверливаниями, линия рта не обозначена. Длинный стержень-шея, очень тонкий, подпрямоугольного сечения, был сломан на конце, поэтому характер крепления неясен, скорее всего, это было просверленное отверстие. Фигурка имеет светлый цвет, однако на ней есть слегка возвышающиеся над поверхностью чёрные пятна, некоторые из них шершавые на ощупь. Возможно, это прилипший углестый слой или зола. Такой слой прослеживался в 2–3 м к югу от фигурки.

Каких-либо ритуальных или жилых объектов в районе местонахождения скульптурки не было, однако встречались кости от разрушенных захоронений, а недалеко от неё была найдена обработанная с двух сторон сплошной ретушью кремнёвая уточка. И среди захоронений волосовской культуры, и у «святылища» № 2 было найдено ещё девять кремнёвых фигурок [13, с. 54, рис. 1]. Это обстоятельство говорит о возможных ритуальных действиях вблизи захоронений, при совершении которых использовали кремнёвые и костяные фигурки, однако, в отличие от Сахтыша II, без массового применения огня и создания «кладов». Эти различия в ритуальной практике при совершении захоронений могут быть отражением каких-то культурно-хронологических нюансов в рамках волосовской культуры.

Выводы

Подводя итог вышеизложенному, отметим следующее: подвески в виде объёмных головок птиц, связанные с волосовской культурой, изображали, прежде всего, привычных глазу сахтышского охотника–рыболова представителей местной орнитофауны. Это птицы, которые могли жить здесь постоянно, гнездиться, выводить птенцов, кормиться и никуда не улетать (глухарь, тетерев, орлан, ворон) либо быть перелётными, пребывая в районе озера в гнездовой период и во время миграций (утки – широконоска, крохаль и др.). Наряду с ними изображались птицы, появлявшиеся на пролёте весной и осенью (гусь белолобый и, возможно, другие гуси, лебеди). Пролетая, они могли ненадолго (до недели-двух) задерживаться на Сахтышском озере для отдыха и кормёжки. Появлялась на озере, кроме пролётных, и залётная птица – пеликан. Птицеголовые подвески были най-

дены на трёх сахтышских памятниках в разных контекстах: в погребении (Сахтыш I), на ритуальных площадках и в «кладах» на территории могильника (Сахтыш II), в «святылище» (Сахтыш IIa) и недалеко от «святылища» (Сахтыш II), недалеко от захоронений (Сахтыш IIa), в жилищах и рядом с ними (Сахтыш I), вне указанных выше контекстов (Сахтыш II). Большинство из них, так или иначе, связано с погребениями и погребальными ритуалами. Наиболее ярко погребальные практики с «участием» объёмных «птицеголовых» подвесок проявились в материалах Сахтыша II.

В перспективе планируется провести локализацию всех найденных на сахтышских поселениях фигурок волосовской культуры: из кости/рога и кремня, плоских и объёмных, полно- и неполнофигурных с целью создания более объективной картины их назначения и особенностей применения.

Благодарность

Выражаем благодарность Хавиной Дарье Алексеевне – заведующему отделом фондов Ивановского государственного историко-краеведческого музея имени Д.Г. Бурлыкина за помощь в работе с архивными материалами из фонда археологии.

Список литературы:

1. Гурина Н.Н. Водоплавающая птица в искусстве неолитических лесных племён // Краткие сообщения Института археологии. 1972. Вып. 131. С. 36–45.
2. Лозе И.А. Резная скульптура каменного века Восточной Прибалтики в соотношении с уральской скульптурой // Проблемы археологии Урала и Сибири. М.: Наука, 1973. С. 174–182.
3. Крайнов Д.А. Кремневые и костяные скульптуры из стоянок Верхнего Поволжья // Древняя Русь и славяне. М.: Наука, 1978. С. 101–110.
4. Студзицкая С.В. Особенности духовной культуры волосовских племён // Труды Государственного исторического музея. Древности Оки. Вып. 85. М.: ГИМ, 1994. С. 59–77.
5. Кашина Е.А., Емельянов А.В. Костяные изображения птиц финала каменного века Мещерской низменности // Проблемы древней и средневековой археологии Окского бассейна / отв. ред. В.П. Челяпов. Рязань: Поверенный, 2003. С. 53–70.
6. Жульников А.М., Кашина Е.А. Образ птицы в искусстве неолита–энеолита лесной зоны Восточной Европы // Российская археология. 2010. № 2. С. 5–17.
7. Кашина Е.А., Чаиркина Н.М. Деревянная посуда с навершиями в виде голов водоплавающих птиц на территории Зауралья, лесной зоны Восточной и Северной Европы // Вестник Новосибирского университета. 2011. Т. 10, вып. 7. С. 157–169.
8. Крайнов Д.А. Неолитическое жилище на стоянке Сахтыш I // Краткие сообщения Института археологии. 1984. Вып. 177. С. 41–47.
9. Крайнов Д.А. Русская равнина, Центр // Искусство каменного века (Лесная зона Восточной Европы). М.: Наука, 1992. С. 68–111.
10. Костылёва Е.Л., Уткин А.В. Произведения искусства неолитической эпохи Центра Русской равнины // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 44: Зверь и человек. Древнее изобразительное творчество Евразии: материалы науч. конф. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2009. С. 63–69.

11. Замятнин С.Н. Миниатюрные кремневые скульптуры в неолите северо-восточной Европы // Советская археология. 1948. № 10. С. 85–123.
12. Зубков В.И. Антропоморфные и зооморфные изображения из окских неолитических стоянок // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1949. Вып. 25. С. 109–112.
13. Костылёва Е.Л., Уткин А.В. Фигурный кремнь со стоянки Сахтыш ПА // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего средневековья лесной зоны Восточной Европы. Вып. I. Иваново, 1994. С. 50–59.
14. Черных И.Н. Мелкая кремневая пластика со стоянки «Синяя Гора» I (Ботово I) на оз. Селигер // Тверской археологический сборник. Вып. 2. Тверь, 1996. С. 271–292.
15. Недомолкина Н.Г. Кремнёвые фигурки бассейна р. Сухоны // Археология и история Пскова и Псковской земли: мат-лы симпозиума. Псков, 1992. С. 89–90.
16. Жульников А.М. Мелкая глиняная и каменная скульптура из позднеэнеолитических поселений Карелии // Вестник Карельского краеведческого музея. 1993. Вып. 1. Петрозаводск: Издательство Петрозаводского университета. С. 50–60.
17. Шевелев В.В. Кремневая скульптура из окрестностей озера Лача // Советская археология. 1986. № 1. С. 242–244.
18. Шевелев В.В. Кремневые фигурки из Каргополья // Советская археология. 1990. № 3. С. 247–249.
19. Kashina E. Anthropomorphic flint sculpture of the European Russia forest zone // *Anthropologica et Prehistorica*. 2002. Vol. 113. P. 51–60.
20. Кашина Е.А. К вопросу об антропоморфных изображениях из кремня в лесной зоне Европейской России // Тверской археологический сборник. Вып. 6, т. I / под ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2006. С. 406–413.
21. Кашина Е.А. Кремневая антропоморфная скульптура без рук в центре Русской равнины // Тверской археологический сборник. Вып. 10, т. I / под ред. И.Н. Черных. Тверь: Триада, 2015. С. 462–468.
22. Крайнов Д.А. Волосовская культура // Археология СССР: эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.: Наука, 1987. С. 10–28.
23. Кашина Е.А., Емельянов А.В. Костяные подвески и нашивки в виде птиц в финале каменного века лесной зоны Центральной России // Археология Подмосковья: мат-лы науч. семинара. Вып. 16. М.: Институт археологии РАН, 2020. С. 15–26.
24. Цветкова И.К. Племена рязанской культуры // Окский бассейн в эпоху камня и бронзы: Труды Государственного исторического музея. Вып. 44. М.: Советская Россия, 1970. С. 97–153.
25. Произведения изобразительного искусства VI–III тыс. до н.э. из собрания Археологического музея ИвГУ: Каталог / сост. Е.Л. Костылёва, А.В. Уткин. Иваново, 2007. 40 с.
26. Костылёва Е.Л., Уткин А.В. Нео-энеолитические могильники Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья: Планиграфические и хронологические структуры. М.: ТАУС, 2010. 300 с.
27. Костылева Е.Л., Уткин А.В. История и основные результаты изучения поселения и могильника Сахтыш ПА // Самарский научный вестник. 2014. № 4 (9). С. 61–64.
28. Каталог // Труды Государственного Эрмитажа. Т. 44: Зверь и человек. Древнее изобразительное творчество Евразии: мат-лы науч. конф. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2009. С. 131–381.
29. Крайнов Д.А. Раскопки стоянки Сахтыш I // Отчеты основного и Можайского отрядов Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР за 1970 год. Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 4551, 4551а.
30. Крайнов Д.А. Раскопки стоянки Сахтыш I // Отчёт о работах Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР за 1971 год. Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 4589, 4589а.
31. Юсупов В.Е. О встречах южных видов птиц в Нижегородской области в 2019–2020 годах // Русский орнитологический журнал. 2021. Т. 30. Экспресс-выпуск 2040. С. 962–967.
32. Мельников В.Н., Баринев С.Н. Гнездование большого крохале в Ивановской области // Современное состояние популяций, управление ресурсами и охрана гусеобразных птиц Северной Евразии: тез. докл. междунар. симпозиума (23–28 апреля 2003 г., г. Олонец, Республика Карелия, Россия). Петрозаводск, 2003. С. 109–110.
33. Крайнов Д.А. Раскопки стоянки Сахтыш I // Отчет о работах Верхневолжской экспедиции ИА АН СССР за 1972 год. Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 4801, 4801а.
34. Крайнов Д.А. Новые исследования стоянки Сахтыш II // Краткие сообщения Института археологии. 1981. Вып. 169. С. 79–86.
35. Гадзяцкая О.С. Раскопки стоянки Сахтыш II (Тейковского района, Ивановской области) // Крайнов Д.А. Отчет о работе Верхневолжской экспедиции за 1964 год. Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 2918, 2918а.
36. Крайнов Д.А. Стоянка Сахтыш I // Отчет Верхневолжской экспедиции о результатах археологических работ в 1966 г. в Ивановской, Костромской, Ярославской и Калининской областях. Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 3385, 3385а.
37. Каверзнева Е.Д., Кашина Е.А. Скульптуры и кости птиц в ритуальной практике населения Северо-Востока Европы финала каменного – середины бронзового века // IV Северный археологический конгресс: мат-лы / отв. ред. Н.М. Чаиркина. Екатеринбург, 2015. С. 240–243.
38. Kashina E., Kaverzneva E. Birds in ritual practice of eastern European forest hunter-gatherers // *Foraging assemblages*. 2021. Vol. 2. P. 685–690.
39. Цветкова И.К. Ритуальные «клады» стоянки Володары // Памятники древнейшей истории Евразии / отв. ред. П.М. Кожин и др. М.: Наука, 1975. С. 102–111.
40. Цветкова И.К. Погребения на стоянке Володары // Проблемы археологии Евразии: тр. Государственного исторического музея. 1990. Вып. 74. С. 112–123.
41. Костылёва Е.Л., Уткин А.В. Волосовские ритуальные клады в составе погребальных комплексов: (хронология и типология) // Тверской археологический сборник. Вып. 8, т. I. Тверь: Триада, 2011. С. 340–360.
42. Крайнов Д.А. О религиозных представлениях племен волосовской культуры // Древности славян и Руси. М.: Наука, 1988. С. 38–45.
43. Костылёва Е.Л., Уткин А.В. Ритуальные клады волосовской культуры стоянки и могильника Сахтыш II: новые исследования старых коллекций (Часть первая) // Тверской археологический сборник. Вып. 12. Тверь: Триада, 2021. С. 289–298.
44. Крайнов Д.А., Костылёва Е.Л. Отчёт о раскопках стоянки Сахтыш II в 1986 году // Архив Археологического научно-образовательного центра Ивановского государственного университета. Ф-1. Р-1. № 15.
45. Крайнов Д.А., Костылева Е.Л., Уткин А.В. Погребения и ритуальные комплексы на стоянке Сахтыш ПА // Археологические вести. Вып. 2. СПб.: ИИМК РАН, 1993. С. 20–30.

46. Крайнов Д.А., Костылева Е.Л., Уткин А.В. Могильник и «святилище» на стоянке Сахтыш ПА // Российская археология. 1994. № 2. С. 118–130.

47. Kostyleva E., Outkin A., Ramseyer D. Fiche masque sur bois d'elan // Objets meconnus: Industrie de l'os prehistorique. Paris: Societe Prehistoque Francaise, 2001. Cahier IX. P. 85–89.

Исследование выполнено в рамках работы по проекту внутреннего гранта Ивановского государственного университета «Музейно-архивные фонды ИвГУ: условия хранения, использования и введения в научный оборот» (№ 14-21-Д).

Информация об авторе(-ах):	Information about the author(-s):
<p>Костылёва Елена Леонидовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России; Ивановский государственный университет (г. Иваново, Российская Федерация). E-mail: elkos-ty-le-va@mail.ru.</p> <p>Уткин Александр Витальевич, внештатный сотрудник археологического музея; Ивановский государственный университет (г. Иваново, Российская Федерация). E-mail: u_two55@mail.ru.</p> <p>Мельников Владимир Николаевич, кандидат биологических наук, доцент кафедры биологии; Ивановский государственный университет (г. Иваново, Российская Федерация). E-mail: ivanovobirds@mail.ru.</p>	<p>Kostyleva Elena Leonidovna, candidate of historical sciences, associate professor of Russian History Department; Ivanovo State University (Ivanovo, Russian Federation). E-mail: elkos-ty-le-va@mail.ru.</p> <p>Utkin Aleksandr Vitalievich, freelance employee of Archaeological Museum; Ivanovo State University (Ivanovo, Russian Federation). E-mail: u_two55@mail.ru.</p> <p>Melnikov Vladimir Nikolaevich, candidate of biological sciences, associate professor of Biology Department; Ivanovo State University (Ivanovo, Russian Federation). E-mail: ivanovobirds@mail.ru.</p>

Для цитирования:

Костылёва Е.Л., Уткин А.В., Мельников В.Н. Костяные фигурки птиц волосовской культуры: контекст местонахождения (по материалам Сахтышских стоянок в Верхнем Поволжье) // Самарский научный вестник. 2022. Т. 11, № 1. С. 178–187. DOI: 10.55355/snv2022111205.